

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Кочеров О.С. Перспективы применения КНР искусственного интеллекта в контексте американо-китайского геополитического противостояния // Мировая политика. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8671.2024.4.72438
EDN: MMMSNG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72438

Перспективы применения КНР искусственного интеллекта в контексте американо-китайского геополитического противостояния

Кочеров Олег Сергеевич

кандидат политических наук

доцент, факультет политологии ГАУГН

603064, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, Ленина, 70, кв. 40

✉ netherdead@yandex.ru

[Статья из рубрики "Политическая стабильность"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2024.4.72438

EDN:

MMMSNG

Дата направления статьи в редакцию:

22-11-2024

Дата публикации:

29-11-2024

Аннотация: Искусственный интеллект (ИИ) становится всё более важным фактором влияния как на динамику международных отношений, так и на трансформацию войны в XXI веке. Основные международные игроки активно исследуют возможности применения ИИ и смежных технологий как в конвенциональных областях, так и в новых, ранее слабо доступных, сферах (полярный вектор, глубоководное измерение и т.д.). Особый интерес представляет собой анализ политического измерения развития программы ИИ в Китае, видящем в "умных" технологиях важнейшее средство достижения проекта "международных отношений нового типа". В связи с этим предметом исследования настоящей статьи являются перспективы применения КНР ИИ в рамках китайско-американской политической войны в контексте китайской внешнеполитической

стратегии. На основе анализа нормативных документов, институциональной трансформации КНР в последние десятилетия, а также концептуальных оснований китайского внешнеполитического курса выявляется три наиболее перспективных измерения китайско-американского ИИ-противоборства: стратегический контроль над пространствами, создание баз двойного назначения и формирование выгодной КНР международной повестки. В рамках первого измерения КНР может использовать ИИ для реализации своих интересов в Индо-Пацифике в рамках концепции "сдерживания через обнаружение", а также через применение роевого интеллекта для блокады неприятеля. Второе измерение даёт КНР возможность не только получить доступ к природным ископаемым в Арктике и океанических впадинах, но и проецировать своё влияние в этих регионах и формировать нормы поведения в них. Наконец, в рамках третьего измерения КНР может применять ИИ для реализации своей "дискурсивной силы" при помощи различных методов: от создания мета-норм в сфере глобального управления ИИ до использования "умных" ботов для "диалоговой пропаганды" среди интернет-пользователей и даже использования потенциала сильного ИИ для генерации новых "конфуцианско-марксистских" политических концепций. В заключении статьи также даются рекомендации относительно потенциальных треков сотрудничества РФ и КНР по геополитическому измерению ИИ: подключение России к китайской программе военно-гражданской интеграции, обмен опытом в сфере дискурсивного противостояния США с применением "умных" технологий, а также сотрудничество по арктическому вопросу.

Ключевые слова:

искусственный интеллект, политическая война, интеллектуальная война, американо-китайское противостояние, глобальное управление ИИ, сдерживание через обнаружение, стратегическая стабильность, дискурсивная сила, три войны, база двойного назначения

Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2023-0004 «Цифровизация и формирование современного информационного общества: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты»).

Проблема влияния искусственного интеллекта (ИИ) и смежных технологий (процедурная генерация, языковые модели, большие данные, облачное хранение и т.д.) на социально-политическую сферу в последнее десятилетие стала одним из наиболее актуальных вопросов. Особый интерес вызывают перспективы и риски, которые ИИ привносит в международные отношения – особенно в рамках их современной фундаментальной трансформации и обострившегося противостояния между основными акторами (прежде всего КНР, РФ и США). Конечно, любые попытки прогнозирования здесь осложняются тем, что, хотя в развитии ИИ заметен значительный прогресс, очевидно, что эта область во многом ещё находится в зачаточном состоянии, и её потенциал, вероятно, не до конца способны верно оценить даже сами передовые «умные» компьютеры (не говоря уже о политических экспертах). Тем не менее, влияние ИИ на международные отношения в самых различных сферах не вызывает сомнений и уже широко обсуждается в трудах как отечественных [\[11\]](#), так и западных [\[24\]](#), и китайских [\[20\]](#) экспертов.

Довольно много публикаций посвящено проблеме применения ИИ в военной сфере. Своеобразной точкой отсчёта здесь можно считать 1991 г., когда операция «Буря в

пустыне» показала всю перспективность применения в боевых действиях информационно-коммуникативных технологий и передового высокотехнологичного вооружения. В дальнейшем «умное» оружие (высокоточные боеголовки, беспилотники и т.д.) применялось США во всех ближневосточных конфликтах, а в последние годы в рамках СВО использует его и РФ. Конечно, пока военное применение ИИ не особо соответствует сложившимся в научной фантастике жанровым клише о супер-ИИ и роботах-убийцах. Тем не менее, всё чаще в исследованиях фигурирует не слабый ИИ, а более сложные его типы, благодаря которым становится возможным не столько появлению более высокоточных вооружений, сколько трансформация самой войны. К примеру, значительный интерес экспертов вызывает концепция «алгоритмической войны» (algorithmic warfare), в рамках которой необходима настолько высокая скорость принятия решений и реагирования на действия противника, что люди-комбатанты вынуждены полагаться в этом на ИИ [33]. В ряде других концепций войны человек фактически вообще перестаёт быть её участником и лишь наблюдает за сражением машин со стороны [1].

Особый интерес исследователей вызывает КНР, в последний раз участвовавшая в войне 50 лет назад, но при этом крайне активно развивающая ИИ-технологии, в том числе и в военной сфере (по оценкам некоторых исследователей, анализирующих геополитику ИИ и лидерство в области высоких технологий, КНР пока отстаёт в этой сфере по ряду параметров лишь от США [26]). В работах отечественных исследователей применение КНР ИИ изучается в основном в контексте защиты «умных» китайских систем от внешних угроз [9], а также правового регулирования ИИ-сферы (в том числе и в международном измерении) [18], что объяснимо широкими возможностями для российско-китайского сотрудничества в этих вопросах. Рассмотрение вопросов военного применения ИИ в отечественных трудах встречается гораздо реже. Среди них следует выделить работы Е.А. Разумова [13] и Р.А. Кутняка [8]. В то же время, на наш взгляд, несмотря на все достоинства этих работ, главный их недостаток заключается в том, что они практически не учитывают ни специфику современных войн (где гораздо более важное значение приобретает несиловая компонента, в связи с чем границы между войной и миром размываются), ни конкретные геополитические обстоятельства, в которых находится Китай. В англоязычных исследованиях вопросам применения КНР ИИ в «серой» сфере уделено гораздо больше внимания (см., например, [30, 25]), но при этом в большинстве случаев действия КНР рассматриваются как агрессия, а сами исследования зачастую содержат рекомендации для политического и военного руководства западных стран.

В своём подходе к рассматриваемой проблеме мы исходим из предпосылки о том, что прямое столкновение между КНР и США по многим причинам маловероятно (но отнюдь не неизбежно, в связи с чем справедливо мнение Г. Киссинджера и Г. Аллисона о необходимости ответственного американо-китайского диалога по ИИ-вопросам [32]). Поэтому гораздо большую значимость приобретает вопрос использования Пекином ИИ в «политической войне» [2] против США. Конечно, необходимо учитывать, что «война» эта (с конвенциональной точки зрения войной в принципе не являющаяся) во многом оборонительная: она вызвана дискурсивной и нормативной агрессией против Китая со стороны США, где многие представители истеблишмента рассматривают Пекин как важнейшего конкурента Вашингтона на мирополитической арене, а китайские ценности и нормы – как угрозу западным ценностям и модели либеральной демократии. В связи с этим КНР вынуждена искать способы для противостояния такой агрессии и вместе с тем недопущения того, чтобы «политическая» война перетекла в войну «кинетическую», т.е.

конвенциональную. В этом смысле и рост товарооборота между странами, и встречи высокопоставленных лиц с обеих сторон в формате «всеобъемлющего экономического диалога» (во многом замороженного при Трампе, но возобновлённого при Байдене, хоть и в иных формах), и попытки поиска общего знаменателя по широкому спектру международных проблем (от «корейского вопроса» до борьбы с терроризмом и экстремизмом), и неизменная риторика Си Цзиньпина о том, что США и КНР не являются противниками, а отношения между ними не должны диктоваться концепциями в духе «ловушки Фукидида», предсказывающими неизбежность их столкновения, – всё это также можно рассматривать в качестве китайских тактик «политической» войны, целью которых является не реализация коварных замыслов и скрытых амбиций Китая, а предотвращение эскалации. В любом случае, пока едва ли есть основания считать, что американская администрация, с одной стороны, изменит свою концептуализацию Пекина как важнейшего соперника, а, с другой стороны, вступит с Китаем в конвенциональное вооружённое противоборство, в связи с чем, на наш взгляд, «политическая» война будет определять динамику американско-китайских отношений в долгосрочной перспективе, а развитие конвенциональных военных возможностей будет прежде всего осмысляться в качестве важного фактора предотвращения агрессии противника.

Перед тем, как рассмотреть перспективы применения КНР ИИ в политической войне, целесообразно проанализировать, какое место ИИ занимает во внешнеполитической стратегии Пекина в контексте китайских взглядов на войну на современном этапе.

Роль ИИ во внешнеполитической стратегии КНР

Специфика китайской военной сферы заключается в том, что Народная освободительная армия Китая (НОАК) во многом подчиняется китайской Коммунистической партии [31], в связи с чем военная стратегия также находится в зависимости от внешнеполитических целей КНР. Поскольку одной из важнейших задач современного Пекина является конструирование альтернативной системы международных отношений («международных отношений нового типа», *синьсин гоцзи гуаньси 新型国际关系*), базирующейся не на философии перманентной войны всех против всех западного политического реализма, а на уходящей корнями в китайскую интеллектуальную традицию идее гармоничного, мирного и равноправного сосуществования различных акторов, неудивительно, что краеугольным камнем китайской военной стратегии остаётся сформулированный ещё Мао Цзэдуном принцип «активной обороны» (*цзицзи фаньюй 积极防御*). В рамках этой концепции КНР выражает свою приверженность принципу ненападения первой, но вместе с тем и предупреждает о гарантированности массивного возмездия. В связи с тем, что условиях повсеместной информатизации и высокотехнологичности войны могут начинаться и разворачиваться крайне стремительно, НОАК уделяет значительное внимание разведке и предупреждению неприятельской агрессии, а также развитию своих возможностей в сфере информационно-коммуникативных технологий. На доктринальном уровне это отразилось в идентификации в качестве основных конфликтов, в которых в будущем может быть вовлечена КНР, «войн в условиях информатизации». Тем не менее, в связи с развитием в последнее десятилетие технологии ИИ в китайском дискурсе всё чаще встречается другой термин – «интеллектуальные войны» (*чжинэнхуа чжаньчжэн 智能化战争*).

Интерес к стратегическим возможностям ИИ, а также необходимость обеспечения безопасности КНР в этой сфере отражены в ряде китайских нормативных документов. Так, в 2017 г. китайское правительство опубликовало «План развития искусственного интеллекта нового поколения», в котором заявлялось: «Искусственный интеллект

оказался в самом центре международного соперничества. Это стратегическая технология, которая определит будущее, и все основные развитые страны рассматривают разработку ИИ как важную стратегию повышения своей международной конкурентоспособности и обеспечения национальной безопасности... В настоящее время Китай находится в весьма непростой ситуации в плане безопасности и международного соперничества, и в глобальной перспективе необходимо рассматривать развитие ИИ на стратегическом уровне...» [16]. Согласно Плану, к 2025 г. ИИ должен систематически использоваться в самых различных сферах жизнедеятельности общества (в том числе и в национальной обороне) и стать двигателем развития китайской промышленности и драйвером экономической трансформации. Кроме того, к этому времени также должны быть разработаны основные регулирующие ИИ-сферу законы и этические нормы. К 2030 г. КНР же должна стать главным мировым центром инноваций в ИИ-сфере и достичь прорыва во всех связанных с ИИ технологиях, которые должны привести к глубокой трансформации всех сфер жизнедеятельности общества.

Важная роль ИИ отмечается и в официальных документах КНР в военной сфере. Так, в белой книге «Национальная оборона Китая в новую эпоху» от 2019 г. (последней на текущий момент) заявляется, что «война стремительно эволюционирует в информатизированную войну, и уже начинают проявляться очертания интеллектуальной войны» [15].

В 2020 г. интегрированное развитие «механизации, информатизации и интеллектуализации» НОАК были концептуализированы китайским руководством как одна из «Целей столетней борьбы в сфере военного строительства» (*цзяньцзюнь байнянь фэньдоу мубяо* 建军百年奋斗目标) – программы модернизации китайской армии к столетию её основания (2027 г.) [22]. В 2021 г. «Цели» были включены в «План социально-экономического развития КНР на 14 пятилетку». Как отмечает В. Кашин, приоритезация «интеллектуального» компонента ярко видна и в докладе Си Цзиньпина XX съезду КПК (2022 г.) [6].

Интеллектуализация всё чаще встречается и в литературе НОАК. Так, в 2017 г. в переиздании фундаментальной работы «Наука стратегии» конфликту в сфере «интеллектуального измерения» была посвящена отдельная глава. В переиздании 2020 г. в ней сделаны следующие выводы:

- Война постепенно эволюционирует в «интеллектуальную войну». Беспилотные аппараты стали важной частью вооружённых сил, и их удельный вес на поля боя будет лишь повышаться, в связи с чем необходимо адаптировать традиционные военные стратегии и тактики и организационную структуру армии к войнам в условиях «интеллектуализации».
- В связи со стратегической важностью разработок в сфере военного ИИ некоторые акторы (прежде всего США) пытаются различными методами замедлить прогресс своих конкурентов в этой сфере. Вашингтон концептуализировал свою борьбу в этой сфере в формате «третьей стратегии компенсации» (third offset strategy) [4].
- «Интеллектуализация» военной сферы даёт странам, отстающим по мощи конвенциональной армии от своих соперников, редкую возможность совершить скачок в развитии и существенно повысить свою конкурентоспособность. Для того, чтобы воспользоваться этим шансом, КНР нужно разработать стратегию и план развития ИИ, а также приоритезировать связанные с ИИ исследования [39, с. 174-181].

Наконец, КНР играет активную роль и в международном нормотворчестве в области

военного применения ИИ. Так, в 2021 г. КНР представила в ООН меморандум «О регулировании военного применения ИИ», в которой призвала мировое сообщество к добросовестному и ответственному использованию ИИ в этой сфере, а при разработке и боевом применении «умного» оружия неукоснительно соблюдать национальные и региональные этические нормы и международное гуманитарное право. Кроме того, в этом документе Пекин отметил необходимость разработки международных норм по регулированию ИИ на основе принципов многосторонности, открытости и инклюзивности, в формате непрерывного диалога между странами с привлечением экспертов в области ИИ [37].

В 2023 г. на полях третьего форума международного сотрудничества «Один пояс, один путь» китайская концепция глобального ИИ-нормотворчества кристаллизовалась в виде инициативы «глобального управления искусственным интеллектом» (*цюаньцю жэньгун чжинэн чжили чаньи 全球人工智能治理倡议*). В своей приветственной речи Си Цзиньпин отметил необходимость обмена информацией в области ИИ-разработок и важность «человекоориентированности» при развитии любых высоких технологий. Китайский лидер также заявил о недопустимости использования ИИ для вмешательства в дела третьих стран (например, влияние на результаты выборов через массовое создание фейков и манипулирование с их помощью общественным мнением) или в частную жизнь, а также о важности обеспечения доступа к ИИ-технологиям, дискуссиям о нормах в этой сфере и её глобальном управлении развивающимся странам [4]. В 2024 г. эти принципы были несколько более детализированы в Шанхайской декларации о глобальном управлении ИИ [40].

Конечно, интерес Пекина к информатизации и интеллектуализации проявляется не только на нормативном, но и на институциональном уровне. Подробный анализ основных китайских институций, мозговых центров и центров разработки ИИ-технологии представлен в обстоятельной работе Эльзы Каниа [30], эксперта в области китайских «умных» разработок. В настоящей же работе достаточно отметить, что в ходе китайской военной реформы 2015 г. был создан новый вид войск – Силы стратегического обеспечения, в чью компетенцию вошли вопросы кибервойны и информационной войны. Кроме того, в период лидерства Си Цзиньпина в Китае важную роль начала играть программа гражданско-военной интеграции (*цзюньминь жунхэ 军民融合*), в рамках которой гражданский сектор сотрудничает с военным по стратегически важным направлениям [5].

Таким образом, ИИ начинает играть всю большую роль в китайском политическом дискурсе и рассматривается в качестве важнейшей в стратегическом плане технологии. ИИ, с точки зрения КНР, является незаменимым компонентом как в рамках модернизации НОАК, так и в процессе формирования безопасной для Пекина внешнеполитической среды. При этом, учитывая акцент КНР на «активной обороне», принципе ненападения и сдерживании потенциального неприятеля, «политическая» война становится важнейшим измерением современной китайской стратегии. На наш взгляд, применение Китаем ИИ в рамках «политической» войны с США в ближайшие годы будет наиболее перспективно в трёх областях: стратегическом контроле над пространствами и ограничении доступа к ним соперника, поиске новых месторождений критически важных ресурсов и формировании выгодной КНР международной повестки.

Стратегический контроль и ограничение доступа

Одним из наиболее перспективных направлений применения ИИ в условиях глобального

геополитического противостояния держав становится их контроль над пространствами и недопущение в эти пространства неприятеля. Зачастую для обозначения комплекса таких мероприятий применяется термин «A2AD» (anti-access and area denial), возникший в западном дискурсе, но активно применяющийся и китайскими военными теоретиками и политологами.

Смежной концепцией, также вызывающей интерес у китайских исследователей, является идея «сдерживания через обнаружение» (deterrence by detection), разработанная экспертами вашингтонского Центра стратегических и бюджетных оценок. Согласно этой концепции, «неприятель с меньшей вероятностью прибегнет к оппортунистским актам агрессии, если знает, что находится под постоянным наблюдением, и что о его действиях могут быстро узнать» [34, с. iii].

В контексте американо-китайского геополитического противоборства особую важность приобретает «сдерживание через обнаружение» и ограничение доступа в Индо-Пацифике. В первую очередь речь здесь идёт об акватории Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей, где КНР имеет споры с большинством стран Восточной и Юго-Восточной Азии относительно территориальной принадлежности ряда островов, а также границ эксклюзивных экономических зон. Хотя на современном этапе эти споры не перетекают в вооружённые конфликты, в акваториях нередко возникают стычки из-за того, что стороны пытаются усилить своё присутствие на спорных территориях через ползучее проникновение. Хрестоматийным примером здесь служит китайская «великая песчаная стена» (*ша чанчэн* 沙長城), проект Пекина по созданию насыпей на рифах в Южно-Китайском море для расширения своего военного присутствия на них. В последние годы эту стратегию начали применять и другие участники споров в Южно-Китайском море (прежде всего Вьетнам [42]).

Кроме того, в связи с тем, что в Южно-Китайского моря обнаружено несколько крупных нефтегазовых месторождений, важным фактором противоборства в регионе становится подводное противостояние. Как отмечает в своём ежегодном докладе Международный институт стратегических исследований [43, с. 71], одним из последствий российско-украинского конфликта в военной сфере стал растущий интерес мировых армий (в том числе и вооружённых сил Китая и стран Юго-Восточной Азии) к подводным беспилотникам.

Неудивительно, что в таких условиях крайне важным становится создание системы слежения за действиями конкурентов, а также оперативное реагирование на угрозы. И здесь ведущую роль может сыграть ИИ, который уже используется Пекином для создания «великой подводной стены» (*шуйся чанчэн* 水下長城) – комплекса гидроакустических систем и датчиков, предназначенных как для поиска полезных ископаемых, так и для контроля над акваторией и ограничения в доступе к ней неприятельских судов.

Другим важным потенциальным применением ИИ в сдерживании противников в акватории может стать использование технологии «роевого интеллекта», которая позволяет группам беспилотников синхронно выполнять одну цель. Одна из наиболее распространённых тактик, к которой прибегает Пекин в Южно-Китайском море – «тактика капусты» (*цзюаньсиньцай чжаньшу* 卷心菜战术). Суть её заключается в том, что суда или наземные объекты неприятеля окружаются несколькими кольцами китайских кораблей (тактика может применяться и в обратную сторону, для защиты китайских объектов от блокады). Использование роя беспилотников в рамках этой тактики может существенно повысить стратегические возможности КНР в акватории и снизить риски для китайского

военного персонала.

Особую значимость для КНР проект стратегического контроля в Южно-Китайском море приобретает в связи с тем, что у США и её азиатских союзников есть своя радиолокационная система, направленная на сдерживание КНР: подводная укреплённая линия «рыболовного крючка» (Fish Hook Undersea Defense Line), идущая от Южной Кореи и Японии к Тайваню, Филиппинам, Индонезии и индийским Андаманским островам (рис. 1). Конечно, эта система сама по себе не сможет предотвратить выход КНР в тихоокеанское пространство, но она предоставляет соперникам Китая в регионе контроль над информацией вдоль важнейшей для Китая торговой артерии – Морского Шёлкового пути. Более того, в Индийском океане Китай может попасться уже на один из двух индийских «рыболовных крючков», под которыми понимается сеть баз Индии и её партнёров в западной и восточной частях океана.

Рис. 1. «Рыболовный крючок» США (источник: <https://apjff.org/hamish-mcdonald/4309>)

Ещё одним перспективным направлением применения ИИ в сфере сдерживания является контроль над границей между КНР и Индией, одним из партнёров США в противостоянии с Китаем. Специфика конфликтов здесь состоит в том, что граница проходит в труднодоступных для конвенциональной армии горных регионах. В связи с этим неудивительно, что одним из практических результатов индийской военной программы ИИ стало размещение вдоль индийских границ с Пакистаном и Китаем 140 умных систем наблюдения [35], что в ближайшем будущем должно вызвать симметричный ответ со стороны КНР. Интерес Индии к военному использованию ИИ во многом вызван соперничеством между Дели и Пекином и нежеланием первой отставать от последнего в сфере оборонительных возможностей. Как отмечают индийские эксперты, хотя Индия в целом эффективно реагирует на попытки Китая осуществить ползучее проникновение на спорные территории, в последние годы наблюдается и иная тенденция, когда КНР удаётся закрепиться на новых рубежах (в том числе благодаря более развитой разведке), а Индия вынуждена мириться с новой границей [41].

Тем не менее, как отмечает пакистанская исследовательница С. Мансур, действия Индии приводят к нарушению стратегической стабильности в Южной Азии, поскольку другой

соперник Индии в регионе, Пакистан, пока не обладает столь же развитыми ИИ-технологиями и вынужден обращаться к КНР для помощи в их разработке [35]. Индия же в свою очередь делает акцент на развитии собственных возможностей в сфере военного применения ИИ, но при этом также активно сотрудничает по этому треку и с «врагом своего врага» – США. Так, Индия и США запустили программу финансирования совместных стартапов в области квантового компьютеринга и ИИ. Кроме того, Вашингтон стремится включить Нью-Дели в свой альянс «Chip 4» – сеть, в которую входят крупные производители полупроводников (важнейшего для развития ИИ-технологии компонента), большинство из которых являются также геополитическими соперниками США [36]. Таким образом, динамика американо-китайского конфликта осложняется и индийско-пакистанским противостоянием, и гонки вооружений (в том числе в сфере «умных» технологий) в обеих парах будут в ближайшем будущем неизменно влиять друг на друга и обуславливать необходимость стратегического сдерживания.

Базы «двойного назначения»

Второе, тесно связанное с первым, перспективное направление использования ИИ в политическом противоборстве КНР против США – создание «умных» баз «двойного назначения». Такие базы могли бы, с одной стороны, поспособствовать развитию китайской науки (в частности, обеспечить автоматизированный сбор биологических, геологических и иных данных), а, с другой стороны, поспособствовать поиску новых залежей энергетических ресурсов и критически важных минералов, а также потенциально обеспечить проецирование китайского влияния в самых разных точках земного шара.

Как и в рамках первого направления, особенно перспективно создание таких баз в регионах, где человеческая деятельность затруднительна или невозможна из-за окружающих условий. Одним из таких регионов является морское и океаническое дно (в том числе ультраабиссаль), которые с развитием технологий становятся одним из новых фронтов геополитики [29]. В частности, в 2018 г. началось проектирование строительства глубоководной китайской «беспилотной» базы [27]. Кроме того, КНР уже активно использует беспилотники для сбора информации об определённых глубоководных (до 10 км вглубь) участках в Индо-Пацифике и анализирует данные при помощи ИИ [28].

Другим регионом является Арктика, становящаяся одной из важнейших арен соперничества основных международных акторов. Хотя Арктика интересует КНР прежде всего в плане залежей ресурсов, Пекин реализует свою арктическую стратегию в духе холистического подхода: «одновременно определять дискурс и юридические нормы, связанные с Арктикой (политический аспект), реализовывать свои экономические интересы (экономический аспект), способствовать военно-гражданской интеграции и техническому прогрессу (научный аспект) и подготавливаться к военному присутствию в Арктике (военный аспект)» [38, с. 239]. При этом китайские эксперты видят широкие перспективы для применения ИИ в китайском арктическом проекте. Так, Дун Юэ и Шэн Цзяньнин предлагают разработать план использования ИИ для устойчивого развития Арктики, применять ИИ для более эффективного глобального управления в регионе (в том числе и через трансформацию существующих механизмов управления в рамках Арктического совета), а также заявляют о необходимости укрепления регионального мультилатерализма и совершенствования механизмов диалога и обмена информацией для предотвращения арктической гонки вооружений (в том числе ИИ-вооружений) [31]. При этом пока нет оснований считать, что в условиях современной международной

напряжённости КНР, США и остальные арктические игроки смогут достичь договорённостей относительно мирного исследования Арктики, в связи с чем военная компонента остаётся необходимым измерением полярной стратегии Пекина. Китай уже довольно прочно обосновался в регионе: в 2024 г. он открыл уже пятую арктическую базу и активно использует для освоения региона дроны [\[30, с. 19\]](#).

Дискурсивное противоборство

Третьим важным измерением, гораздо в меньшей степени воплощённым в формате «физической» геополитики, но вместе с тем оказывающим огромное влияние на её динамику, становится использование ИИ в рамках китайско-американского дискурсивного противоборства.

Проблема для КНР в этой сфере заключается в том, что США во многом задают глобальную политическую повестку и пытаются сформулировать определённую глобальную точку зрения на чувствительные для Пекина вопросы (от «обязанности защищать» и гуманитарной интервенции до торговых норм и правил глобального регулирования киберпространством). КНР не может позволить себе не участвовать в формировании глобального дискурса и его конкретных нормативных и институциональных манифестациях, поскольку в таком случае китайские интересы просто не будут учтены иными акторами. В связи с этим в современной китайской внешнеполитической стратегии произошла определённая смена акцентов: от мягкой силы КНР пришла к идее реализации «дискурсивной силы» (*хуаюй цюань* 话语权) [\[2\]](#). Для описания различных её аспектов используется множество различных терминов: от идеи «хорошо рассказывать китайскую историю» (*цзян хао Чжунго гуши* 讲好中国故事) до «Инициативы глобального развития» (*цюаньцю фацжань чанъи* 全球发展倡议) [\[12\]](#). В самом общем виде под этой концепцией, регулярно фигурирующей в выступлениях официальных лиц [\[6\]](#), понимается возможность державы влиять на глобальный дискурс (в том числе и через формирование международных норм и институций) и реализовывать с его помощью свои интересы. Хрестоматийным примером тут является противодействие КНР западным обвинениям в её адрес в нарушении прав уйгуров в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР). Ответом Пекина стало прояснение своей позиции относительно борьбы с сепсессионизмом и радикализмом, повышение прозрачности правительственных практик в регионе, а также приглашение представителей незападных стран на инспекции в СУАР. Результатом дискурсивных усилий КНР стало то, что многие представители «Глобального Юга» поддержали китайское правительство по этому вопросу.

В сфере «политической войны» дискурсивная сила концептуализируется Китаем в формате «трёх войн» – идеологемы, впервые возникшей в китайском внешнеполитическом нарративе в 2003 г. в документе «Правила политической работы НОАК» [\[18\]](#). К трём войнам относятся три разновидности политико-военных операций: борьба за общественное мнение (*юйлунь чжань* 舆论战), юридическая война (*фалу чжань* 法律战) и психологическая война (*синъли чжань* 心理战). Под первой понимается создание отвечающей интересам КНР международной повестки (прежде всего при помощи СМИ), под второй – обращение как к национальному, так и международному законодательству для противодействия противнику, а под последней – психологическое воздействие на неприятеля в самых различных его проявлениях. Все эти войны, с точки зрения китайских теоретиков, являются важной частью концепции «активной обороны», поскольку позволяют реализовывать сдерживание неприятеля, а также формировать выгодную Пекину внешнеполитическую среду. Такая точка зрения выражается, в

частности, в уже упоминавшейся ранее «Науке стратегии» [\[39, с. 240-244\]](#).

Можно говорить о разных соотношениях дискурсивной силы и ИИ. Во-первых, для Пекина крайне важно реализовать свою дискурсивную силу для определения норм глобального управления ИИ (в данном контексте их можно назвать «мета-нормами»). По мнению ряда китайских исследователей, КНР не должна бояться использовать дискурсивную силу для продвижения упоминавшейся ранее инициативы «глобального управления искусственным интеллектом», которая, с их точки зрения, во многом выражает интересы прежде всего развивающихся стран [\[10\]](#).

Во-вторых, Пекин может прибегнуть к разнообразным ИИ-инструментам для реализации дискурсивной силы: от анализа контента и распознавания фэйков [\[7\]](#) до создания «умных» ботов, которые смогут не просто выражать заданную позицию, а эффективно переубеждать интернет-пользователей в формате «диалоговой пропаганды» [\[1, с. 26\]](#). В связи с тем, что китайское правительство сейчас активно вкладывается в развитие инициативы «Цифрового Шёлкового пути», возможности Пекина в этой сфере весьма широки. Другим весьма интересным направлением является развитие с помощью ИИ уже существующих китайских политических концепций и разработка новых. При этом важно понимать, что эффективность ИИ в этой сфере напрямую зависит от его силы, а её верное применение – от ценностей, которым такой сильный вариант ИИ будет следовать. В связи с этим важным вопросом становится разработка не просто ИИ, но «конфуцианско-марксистского» ИИ. Китайские исследователи уже активно обсуждают, какие традиционные китайские этические нормы можно использовать для формирования нравственности ИИ. Так, Фан Сюдун предлагает заложить в качестве одной из ценностей ИИ конфуцианскую максиму «посредством человеческого выправлять человека, и, лишь исправив, остановиться» (*и жэнь чжи жэнь, гай эр чжи 以人治人, 改而止*), сформулированную в 13 *чжане* классического конфуцианского трактата «Чжун юн» («Следование середине») [\[16\]](#). По мнению Фана, следует закладывать в ИИ не такие этические принципы, которые обуславливают полное повиновение ИИ человеку, а ценности в русле эвристического подхода, при котором ИИ пытается рассматривать проблемы с точки зрения наилучшего для «человеческой ситуации» решения [\[13\]](#).

Безусловно, с развитием ИИ нынешние форматы «политической войны» значительно трансформируются, а у сторон появится множество новых методов констатации стратегического равновесия. В настоящей работе были представлены далеко не все потенциальные форматы противоборства КНР и США в этой области, и в целом её можно считать лишь приглашением к более детальному обсуждению этих вопросов в российских академических и экспертных кругах.

Если Россия, за последние десятилетия, к сожалению, во многом растерявшая свой политический капитал в Азиатско-Тихоокеанском регионе, стремится закрепиться здесь в качестве важного игрока, обращение к ИИ-технологиям для повышения геополитического влияния является необходимостью. Одним из потенциальных треков взаимодействия между КНР и Россией в этой сфере может стать подключение Москвы к китайской программе военно-гражданской интеграции в том или ином формате. Свообразным козырем РФ здесь является опыт непосредственного боевого применения «умного» оружия. Другим перспективным направлением российско-китайского взаимодействия может стать координация действий в рамках дискурсивного противоборства с США (в котором Пекин и Москва исходят во многом с одних и тех же

позиций) и обмен опытом использования ИИ-технологий для политической борьбы, а также для обсуждения широкого спектра этических вопросов в сфере применения ИИ и регулирования норм глобального управления в этой сфере. Наконец, третье перспективное направление – согласование позиций по арктическому вопросу, особенно важное в связи с активизацией в последние годы Северного морского пути. ИИ здесь может применяться как для противодействия усилению западного присутствия в регионе, так и для повышения эффективности российско-китайского экономического и инфраструктурного сотрудничества. Вместе с тем, безусловно, России не стоит развивать сотрудничество в сфере ИИ с одним лишь Китаем, но следует диверсифицировать свою внешнеполитическую повестку.

[1] В определённом смысле такая война во многом соответствовала бы древнекитайскому идеалу военных действий, предполагающему бескровность, приоритизацию политических средств разрешения конфликта и не прямые пути достижения стратегических целей. Так, известный китайский философ XX в. Фэн Юлань, описывая отношение к войне древнекитайской философской школы моистов, характеризует его следующими образом: «[моистская философия войны] даёт хороший урок всем нам, как улаживать споры между двумя странами. Сражаться на поле боя нет необходимости. Достаточно ученым и инженерам с обеих сторон продемонстрировать лабораторное атакующее и оборонительное оружие, и исход войны будет решен без сражения!» [14, с. 72]

[2] Классическое определение этому термину дал Дж. Кеннан, согласно которому политическая война – это применение доктрины Клаузевица в мирное время (т.е. если война – это политика другими средствами, то и политика – это война при помощи других средств). В самом широком смысле это применение всех имеющихся в распоряжении у государства средств, за исключением войны, для реализации своих внешнеполитических целей [31]. Политическая война может реализовываться как в публичных действиях государства (от разных форм дипломатии до «белой» пропаганды и использования финансово-экономических рычагов), так и в тайных операциях (лоббирование своих интересов, финансирование своих агентов за рубежом и т.д.).

[3] Контроль партии над армией усилился в 2015 г. в результате инициированной Си Цзиньпином военной реформы.

[4] «Первая стратегия компенсации» применялась Вашингтоном в 1950-е гг. и подразумевала, с одной стороны, ядерное сдерживание, с другой – попытки предотвратить или замедлить разработку ядерного оружия в недружественных странах. «Вторая стратегия» относится к 1970-м гг.; в её рамках США сделали ставку на развитие высокотехнологичного оружия и информатизации войны в противовес численному преимуществу конвенциональных сил противника. «Третья стратегия» возникла во второй половине 2010-х гг. прежде всего для противодействия росту военного могущества КНР (в частности, в Южно-Китайском море). Подробнее о «третьей стратегии» и китайском ответе на неё см. [7].

[5] Подробнее о сути этого феномена см. [5].

[6] В контексте настоящей работы крайне любопытно заявление Си Цзиньпина о том, что «соревнование великих держав в сфере Интернет-безопасности не сводится к технологическому соревнованию: это ещё и идейное соревнование, соревнование в дискурсивной силе» [14].

[7] Ещё одной потенциальной тактикой в этой сфере может стать генерация самим Китаем крайне реалистичных фэйков для дискурсивного «ослабления» США. Такая практика порождает множество этических вопросов, а её оценка китайскими учёными и официальными лицами, безусловно, требует отдельного исследования. Ограничимся здесь двумя соображениями. С одной стороны, создание фэйков, безусловно, вступает в противоречие с декларируемыми КНР ценностями в сфере глобального управления ИИ и Интернет-пространством. С другой стороны, если фэйки могут стать мощным инструментом не только для противодействия дискурсивной агрессии со стороны США, но и для предотвращения конвенционального глобального конфликта, стоит ли игнорировать такую технологию?

Библиография

1. Воронова О.Е., Трушин А.С. Современные информационные войны: стратегии, типы, методы, приемы. М.: Аспект Пресс, 2021.
2. Денисов И.Е., Зуенко И.Ю. От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологемы внешней политики КНР. М.: МГИМО-Университет, 2022.
3. Дун Юэ, Шэн Цзяньнин. Жэнгун чжинэн фачжань дуй бэйцзи аньцюань тайши дэ инсян хэ Чжунго цаньюй [Влияние развития искусственного интеллекта на арктическую безопасность и присутствие Китая в регионе] // Чжунго хайян дасюэ сюэбао шэхуэй кэсюэ бань [Вестник Океанического университета Китая: общественные науки]. 2024. № 1. С. 14-26. <https://doi.org/10.16497/j.cnki.1672-335X.202401002>
4. Инициатива глобального управления искусственным интеллектом // Сайт Министерства иностранных дел КНР. URL: https://www.mfa.gov.cn/rus/wjdt/gb/202310/t20231024_11166700.html (дата обращения: 10.11.2024)
5. Каменнов П.Б. Военно-гражданская интеграция в КНР на современном этапе: достижения и проблемы // Проблемы Дальнего Востока. 2022. №. 5. С. 119-131. <https://doi.org/10.31857/S013128120022590-0>
6. Кашин В.Б. XX съезд КПК и его влияние на политику КНР в сфере обороны // Журнал «Российское китаеведение». 2023. №. 1. С. 35-45. <https://doi.org/10.48647/ICCA.2023.79.99.002>
7. Кашин В.Б. КНР и «Третья стратегия компенсации» Министерства обороны США // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2016. Т. 8. №. 3. С. 52-71.
8. Кутняк Р.А. Как развитие профессионального мастерства в области искусственного интеллекта и новых технологий влияют на вооружённые силы: на примере армии Китая // Информационные технологии и информационная безопасность в профессиональной деятельности. Новосибирск, 2022. С. 55-58.
9. Лексютина Я.В. Злонамеренное использование искусственного интеллекта: риски для информационно-психологической безопасности Китая // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021. №26. С. 256-273. <https://doi.org/10.24412/2618-6888-2021-26-256-273>
10. Ло Вэйхуа. Тишэн жэньгун чжинэн аньцюань чжили дэ Чжунго хуаюй цюань [Развивать китайскую дискурсивную силу в сфере управления безопасностью искусственного интеллекта] // Жэньминь жибао: теория. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2024/0408/c40531-40211326.html> (дата обращения: 10.11.2024)
11. Пашенцев Е.Н. Искусственный интеллект и геополитика: доклад. М.: ДА МИД России, 2024.
12. Песцов С.К. Состязание в дискурсивной силе: глобальная инициатива развития

Китая // Россия и АТР. 2024. №. 3. С. 62-83. <https://doi.org/10.24412/1026-8804-2024-3-62-83>

13. Разумов Е.А. Анализ политики КПК по внедрению искусственного интеллекта в военные операции НОАК // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2023. Т. 42. С. 98-110. <https://doi.org/10.24412/2658-5960-2023-42-98-110>

14. Си Цзиньпин: мэй ю ванло аньцюань цзю мэй ю гоцзя аньцюань [Си Цзиньпин: без безопасности в Интернете нет и национальной безопасности] // Сайт Государственной канцелярии Интернет-информации КНР. URL: https://www.cac.gov.cn/2018-12/27/c_1123907720.htm (дата обращения: 28.11.2024)

15. Синь шидай дэ Чжунго гофан [Национальная оборона Китая в новую эпоху] // Сайт Государственного совета КНР. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2019-07/24/content_5414325.htm (дата обращения: 13.11.2024)

16. Синьдаидэ жэньгун чжинэн фачжань гуйхуа дэ тунчжи [Сообщение о плане развития искусственного интеллекта нового поколения] // Сайт Государственного совета КНР. URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (дата обращения: 10.11.2024)

17. Фан Сюйдун. Жуцзя дуй жэньгун чжинэн луньли дэ и гэ кэнэн гунсянь: цзинью Босытэлему эр сы [Возможный вклад конфуцианства в этику искусственного интеллекта: ответ Н. Бострому] // Чжунго исюэ луньлисюэ [Китайская медицинская этика]. 2020. № 7. С. 778-788. <https://doi.org/10.12026/j.issn.1001-8565.2020.07.01>

18. Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: опыт Китая // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. №1. С. 46-73. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.4>

19. Фэн Ю-лань. Краткая история китайской философии / пер. на рус. Р.В. Котенко. СПб: Евразия, 1999.

20. Хуан Жихань, Яо Хаолун. Бэй чунсу дэ шицзе? ChatGPT цзюэци ся жэньгун чжинэн юй гоцзя аньцюань синь тэчжэн [Трансформирующийся мир? Новые особенности искусственного интеллекта и национальной безопасности в условиях развития ChatGPT] // Гоцзи аньцюань яньцзю [Исследования международной безопасности]. 2023. №. 4. С. 82-106.

21. «Чжун юн» («Следование середине») / пер. с кит. А.Е. Лукьянова // Конфуцианское «Четверокнижие» («Сышу») / под ред. Л.С. Переломова. М.: Вост. лит., 2004. С. 123-148.

22. Чжунго гунчаньдан ди шицзю цзе чжунъян вэйюаньхуэй ди у цы цюаньти хуэйи гунбао [Коммюнике пятого пленарного заседания ЦК КПК 19-го созыва] // Сайт коммунистической партии Китая. URL: <https://www.12371.cn/2020/10/29/ARTI1603964233795881.shtml> (дата обращения: 13.11.2024)

23. Чжунго жэньминь цзефанцзюнь чжэнчжи гунцзо тяоли [Правила политической работы НОАК] // Сайт Государственного совета КНР. URL: https://www.gov.cn/test/2005-06/28/content_10543.htm (дата обращения: 11.11.2024)

24. Baele S.J. et al. AI IR: Charting International Relations in the Age of Artificial Intelligence // International Studies Review. 2024. Т. 26. №. 2. <https://doi.org/10.1093/isr/viae013>

25. Bommakanti K. AI in the Chinese Military: Current initiatives and the implications for India. Observer Research Foundation, 2020. URL: <https://www.orfonline.org/public/uploads/posts/pdf/20230712112837.pdf> (дата обращения: 28.11.2024)

26. Chakravorti B., Bhalla A., Chaturvedi R.S. Charting the Emerging Geography of AI // Harvard Business Review, December 12, 2023. URL: <https://hbr.org/2023/12/charting-the-emerging-geography-of-ai> (дата обращения: 10.11.2024)

27. Chen S. Beijing plans an AI Atlantis for the South China Sea – without a human in sight // *South China Morning Post*, November 26, 2018. URL: <https://www.scmp.com/news/china/science/article/2174738/beijing-plans-ai-atlantis-south-china-sea-without-human-sight> (дата обращения: 28.11.2024)
28. Fan Anqi. China accelerates big data, AI application in ocean industry, anticipating revolutionary changes // *Global Times*, September 26, 2024. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202409/1320435.shtml> (дата обращения: 12.11.2024)
29. Hannigan J. *The Geopolitics of Deep Oceans*. Hoboken: John Wiley & Sons, 2016.
30. Kania E.B. *Chinese military innovation in artificial intelligence*. Washington: Center for a New American Security, 2019.
31. Kennan G.F. *Policy Planning Staff Memorandum // Foreign Relations of the United States, 1945–1950, Emergence of the Intelligence Establishment* / ed. by C.T. Thorne, Jr., D.S. Patterson. Washington: United States Government Printing Office, 1996. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945-50Intel/d269> (дата обращения: 10.11.2024)
32. Kissinger H., Allison G. *The Path to AI Arms Control: America and China Must Work Together to Avert Catastrophe* // *Foreign Affairs*, October 13, 2023. URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/henry-kissinger-path-artificial-intelligence-arms-control> (дата обращения: 08.11.2024)
33. Layton P. *Algorithmic warfare: Applying artificial intelligence to warfighting*. Canberra: Air Power Development Centre, 2018.
34. Mahnken T.G., Sharp T., Kim G.B. *Deterrence by Detection: a key role for unmanned aircraft systems in great power competition*. Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2020. URL: [https://csbaonline.org/uploads/documents/CSBA8209_\(Deterrence_by_Detection_Report\)_FINAL.pdf](https://csbaonline.org/uploads/documents/CSBA8209_(Deterrence_by_Detection_Report)_FINAL.pdf) (дата обращения: 12.11.2024)
35. Mansoor S. *India’s AI Militarization: Security Repercussions for Pakistan* // *Russian International Affairs Council*. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/columns/military-and-security/india-s-ai-militarization-security-repercussions-for-pakistan/> (дата обращения: 12.11.2024)
36. *New Partnership with India to Explore Semiconductor Supply Chain Opportunities* // US Department of State. URL: <https://www.state.gov/new-partnership-with-india-to-explore-semiconductor-supply-chain-opportunities/> (дата обращения: 12.11.2024)
37. *Position Paper of the People’s Republic of China on Regulating Military Applications of Artificial Intelligence (AI)* // Сайт постоянного представительства КНР при ООН. URL: https://geneva.china-mission.gov.cn/eng/dbdt/202112/t20211213_10467517.htm (дата обращения: 13.11.2024)
38. Puranen M., Kopra S. *China’s Arctic Strategy: A Comprehensive Approach in Times of Great Power Rivalry* // *Scandinavian Journal of Military Studies*. 2023. Т. 6. №. 1. С. 239-253. <https://doi.org/10.31374/sjms.196>
39. *Science of Military Strategy* / ed. by Xiao Tianliang // *China Aerospace Studies Institute*. URL: <https://www.airuniversity.af.edu/Portals/10/CASI/documents/Translations/2022-01-26%202020%20Science%20of%20Military%20Strategy.pdf> (дата обращения: 13.11.2024)
40. *Shanghai Declaration on Global AI Governance* // Сайт Министерства иностранных дел КНР. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/zyxw/202407/t20240704_11448351.html (дата обращения: 10.11.2024)
41. Sridhar S. *India’s Key to Keeping the Status Quo on Its Border With China* // *The Diplomat*. URL: <https://thediplomat.com/2023/03/indias-key-to-keeping-the-status-quo-on-its-border-with-china/> (дата обращения: 10.11.2024)
42. Tan R., Karklis L. *Vietnam accelerates island building to challenge China’s maritime*

claims // The Washington Post, August 9, 2024. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/interactive/2024/vietnam-south-china-sea-islands-growth/> (дата обращения: 10.11.2024)
43. The Military Balance 2024 / ed. by R. Wall. London: Routledge, 2024.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья, направленная для публикации в журнале «Мировая политика», затрагивает ключевые аспекты применения искусственного интеллекта (ИИ) в контексте американо-китайского геополитического противостояния. Технологии ИИ, основанные на инструментах машинного обучения, все больше проникают как в управленческие процессы, так и в различные отрасли экономики, что делает актуальным проблему исследования влияния данных технологий на развитие динамики международных отношений. Автор детально анализирует роль ИИ в военной и политической стратегии Китая, подчеркивая его значение в формировании новой международной повестки. Однако, несмотря на очевидные достоинства работы, в ней можно выделить несколько аспектов, требующих критического рассмотрения.

Статья имеет четкую структуру, однако переходы между разделами иногда выглядят резкими. Например, автор переходит от обсуждения военных аспектов применения ИИ к стратегическому контролю и ограничению доступа без достаточного переходного контекста. Это может затруднить восприятие читателем логической связи между различными аспектами темы. Более плавные переходы и ссылки на предыдущие разделы могли бы улучшить читаемость текста.

Автор предоставляет обширный анализ применения ИИ в военной сфере и его роли в стратегическом контроле, однако недостаточно внимания уделяется более широким социальным и этическим последствиям использования ИИ в политической войне. Например, в контексте «дискурсивной войны» упоминается использование ИИ для генерации фейков и манипуляции общественным мнением, но не рассматриваются вопросы, связанные с этикой подобного рода действий. Складывается впечатление, что автор не полностью учитывает комплексность проблемы.

Статья изобилует ссылками на различные исследования и нормативные документы, что придаёт ей научную обоснованность. Однако, в некоторых местах автор ссылается на источники, которые могут быть восприняты как односторонние или недостаточно репрезентативные. Например, упоминание о «трех войнах» и концепции «дискурсивной силы» требует более глубокого контекста и дополнительных примеров из практики, чтобы читатель мог лучше понять, как эти концепции применяются на практике.

Автор подводит итоги, выделяя три ключевых направления применения ИИ в контексте американо-китайского противостояния. Однако выводы выглядят несколько обобщенно и не всегда подкреплены конкретными примерами или прогнозами. Например, в разделе о «умных» базах «двойного назначения» автор упоминает о возможности проецирования влияния, но не предоставляет конкретных примеров или сценариев, как это может реализоваться на практике.

Несмотря на научный подход, в тексте прослеживается определенная предвзятость в отношении к Китаю и его стратегиям. Например, использование терминов, таких как «политическая война» и «дискурсивная сила», может восприниматься как негативная характеристика китайской внешней политики. Следовало бы более нейтрально подойти к анализу, избегая эмоционально окрашенных формулировок.

В целом, статья представляет собой важный вклад в изучение влияния ИИ на международные отношения и геополитическое противостояние. Однако для повышения её научной ценности и удобства восприятия читательской аудиторией автору стоит обратить внимание на структуру изложения, глубину анализа, использование примеров и источников, а также на необходимость политической нейтральности. Углубление в эти аспекты сделает работу более убедительной и полезной для широкой аудитории, интересующейся вопросами глобальной политики и технологий. Стоит большее внимание уделить также степени научной разработанности данной проблематике и научной полемике, которая существует в литературе. Статью требуется доработать и направить на рецензирование повторно.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая работа посвящена изучению перспектив применения КНР искусственного интеллекта в контексте американо-китайского геополитического противостояния

Методология исследования базируется на изучении и обобщении современных научных публикаций и интернет-ресурсов по рассматриваемой теме.

Актуальность исследования авторы связывают с тем, что проблема влияния искусственного интеллекта и смежных технологий (процедурная генерация, языковые модели, большие данные, облачное хранение и т.д.) на социально-политическую сферу в последнее десятилетие стала одним из наиболее актуальных вопросов и особый интерес вызывают риски, которые искусственный интеллект привносит в международные отношения – особенно в рамках их современной фундаментальной трансформации и обострившегося противостояния между основными акторами (прежде всего КНР, РФ и США).

Научная новизна исследования, к сожалению авторами не сформулирована с достаточной степенью точности и четкости, впрочем, как и сама цель проводимой работы. В тексте статьи выделены следующие разделы: Роль ИИ во внешнеполитической стратегии КНР, Стратегический контроль и ограничение доступа, Базы «двойного назначения», Дискурсивное противоборство, Библиография.

Рецензируемая публикация позиционируется авторами как приглашение к более детальному обсуждению в российских академических и экспертных кругах вопросов применения искусственного интеллекта в контексте американо-китайского геополитического противостояния. В своём подходе к рассматриваемой проблеме авторы исходят из предпосылки о том, что прямое столкновение между КНР и США по многим причинам маловероятно, поэтому гораздо большую значимость приобретает вопрос использования Пекином искусственного интеллекта в «политической войне» против США. Отмечается, что применение Китаем искусственного интеллекта в рамках «политической» войны с США в ближайшие годы будет наиболее перспективно в трёх областях: стратегическом контроле над пространствами и ограничении доступа к ним соперника, поиске новых месторождений критически важных ресурсов и формировании выгодной КНР международной повестки. В заключительной части работы внесены предложения по потенциальным направлениям взаимодействия между КНР и Россией в сфере искусственного интеллекта для усиления присутствия и геополитического влияния России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Библиографический список включает 43 источника – современные научные публикации зарубежных и отечественных авторов на русском и иностранных языках, а также

интернет-ресурсы по рассматриваемой теме, на которые в тексте приведены адресные ссылки, что подтверждает наличие апелляции к оппонентам.

Из недочетов следует отметить следующие. Во-первых, начальная, вводная часть публикации не озаглавлена как «Введение», также не озаглавлен заключительный раздел (как «Заключение» или «Выводы»). Во-вторых, в статье не сформулирована цель исследования и не отражены полученные авторами элементы приращения научного знания. В-третьих, не понятно с какой целью после некоторых терминов в одних случаях приводится их перевод на английский язык, в других – их транскрипция на китайском языке и соответствующие иероглифы – в публикации на русском языке это представляется неуместным, поскольку отвлекает внимание читателя от основной излагаемой авторами мысли.

Рецензируемый материал соответствует направлению журнала «Мировая политика», отражает результаты проведенной авторами работы, может вызвать интерес у читателей, но нуждается в доработке в соответствии с высказанными замечаниями.